

РЕЦЕНЗИИ

А.Г. Гродецкая

МАКЕЕВ М.С. АФАНАСИЙ ФЕТ.

М.: Молодая гвардия, 2020. 443 с.

(Жизнь замечательных людей: сер. биограф; вып. 1818).

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4*

Созданная М.С. Макеевым биография Фета является первой и единственной полной биографией поэта, при этом объективную трудность для автора составляли дефицит документального материала, недостаточная изученность как биографии, так и обширного творческого наследия Фета, особенно его переводов, публицистики и мемуаристики с ее известной «тайнописью». Эффект полноты и панорамности биографического повествования достигнут в книге благодаря широкому историко-культурному контексту, хотя не все главы в этом плане равно насыщены. Формирование независимых и своеобразных религиозно-философских и эстетических взглядов Фета, его стоической жизненной философии автор прослеживает этап за этапом подробно и убедительно. Дружеская близость и творческий диалог поэта с Ап. Григорьевым, Некрасовым, Тургеневым, Дружининым, Боткиным и его семьей, со Львом Толстым, в поздние годы — со Страховым, Вл. Соловьевым, вел. кн. Константином Константиновичем развернуты в самостоятельные исследовательские сюжеты и изложены с редкой основательностью. Автор последовательно пересматривает и опровергает мифы, связанные с «тайной рождения» поэта, его «браком по расчету», с репутацией реакционера-крепостника, сложившейся при публикации в 1860–1880-е годы его публицистических статей. Поэзия Фета разных лет, его критика и публицистика, многолетняя, чрезвычайно продуктивная переводческая деятельность, как и военная служба, рациональное и успешное фермерство, деятельность мирового судьи представлены важнейшими этапами его жизненного пути, обретающего под пером биографа подлинную масштабность. Объективность и исследовательская основательность, понимание значительности прожитой поэтом жизни и ее ценности для русской культуры и русской истории отличают книгу М.С. Макеева.

Ключевые слова: А.А. Фет; биография; мировоззрение; лирика и публицистика; переводы; мемуаристика; литературное окружение; репутация; источники и документированность; историко-культурный контекст; ЖЗЛ.

Гродецкая Анна Глебовна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (e-mail: grodetskaiaag@mail.ru).

Книгу профессора МГУ М.С. Макеева, изданную в биографической серии «ЖЗЛ», к счастью, трудно отнести к разряду популярных изданий. Судьба поэта со всеми драматическими жизненными испытаниями, круг его общения в разные годы и круг чтения, философско-эстетические и литературные интересы, служба в кирасирском и уланском полках, реализованная «земледельческая утопия», общественная позиция и репутация и, наконец, богатое и многообразное творчество — лирика, проза, переводы, литературная критика, публицистика, мемуары — представлены в книге с исчерпывающей подробностью и полнотой. Не стоит забывать, что это первая и единственная полная биография Фета, и уже в этом ее безусловная ценность.

Для читателя, знакомого с фетовианой как хрестоматийной, так и заметно пополнившейся в последнее время, очевидны объективные проблемы, стоявшие перед создателем биографии поэта. Важнейшая из них — источниковедческая, проще говоря, проблема слабой документированности и недостаточной изученности как биографии Фета, так и его литературного и эпистолярного наследия. Предельно краткой осталась «Летопись жизни А.А. Фета», составленная Г.П. Блоком и опубликованная Б.Я. Бухштабом с дополнениями Г.Д. Аслановой (Курск, 1994), неполон написанный Б.Я. Бухштабом «Очерк жизни и творчества» (Л., 1990), преимущественно полемический характер носит книга В.А. Кошелева «Афанасий Фет. Преодоление мифов» (Курск, 2006). Не имеют до сих пор научного комментария трехтомные мемуары Фета — «Мои воспоминания» (1890) и «Ранние годы моей жизни» (1893), тогда как именно они стали главным фактографическим источником созданной М.С. Макеевым биографии.

Но и с фетовской мемуаристикой связан целый ряд проблем. Еще Б.Я. Бухштаб предостерегал, что это «источник, требующий максимально критического отношения», что Фет-мемуарист склонен к умолчаниям, к «тайнописи», события своей жизни он «привык скрывать и замазывать» [Бухштаб, 1935: 596]. Для мемуаров Фета, кроме того, характерна мозаичность, фрагментарность повествования, внимание к эпизоду, к внешне «случайным» ситуациям, встречам и лицам, и его мемуарную мозаику нелегко развернуть в панорамное биографическое повествование. Эффекта полноты и панорамности М.С. Макеев достигает, в полном масштабе вводя на страницы биографии время, эпоху, широкий историко-культурный контекст. Однако не все главы его книги в этом плане равно насыщены.

Нужны ли для биографии поэта «тонкие краски»? Напомним строки стихотворения Фета «Поэтам» (1890): «С торжищ житейских, бесцветных и душных, / Видеть так радостно тонкие краски, / В радугах ваших, прозрачно-воздушных...». Упомянуты и процитированы десятки поэтических текстов, и том фетовской поэзии (в руках) становится необходимым параллельным чтением, при этом каждый текст перечитывается с новым вниманием и пониманием.

С исключительной пристальностью прослеживает М.С. Макеев историю создания и публикации фетовских стихотворных сборников, начиная с «Лирического Пантеона» (1840), затем последовательно — изданий «Стихотворений» в 1850, 1856 и 1863 гг. и четырех выпусков «Вечерних огней» в 1883, 1885, 1889 и 1890-м, рассматривая в каждом случае их состав и структуру, ставя вопрос о литературных влияниях, реакции ближайших

друзей и критики, о формировании, утверждении, проявлении неповторимо оригинальной фетовской поэтики.

Повествование согласно ЖЗЛовскому канону выстроено хронологически. Оно ожидаемо открывается главой «Тайна рождения», в которой «популярный» биографический сюжет, породивший множество мифов, подан строго документированно, на основе опубликованных архивных разысканий И.А. Кузьминой¹. Документальный материал, тяжелый для воспроизведения и чтения (переписка А.Н. Шеншина, отчима Фета, с семьей Беккер и Иоганном Фётом, его отцом, судебные дела о разводе и усыновлении ребенка, финансовые обязательства Шеншина и др.) автор оживляет предположениями о причине бегства из Дармштадта беременной Шарлотты Фёт (урожденной Беккер), бросившей к тому же годовалую дочь Каролину, с немолодым (44-летним), небогатым и «совершенно не выдающимся», что подчеркнуто, помещиком Афанасием Шеншиным. Причиной бегства, по его гипотезе, могли быть не только тяжелые отношения Шарлотты с мужем, но и «какие-то неясные мечты и порывы» (с. 7) в душе молодой женщины, предвосхитившие ее душевную болезнь, которая стала в семье наследственной и проявилась у братьев Фета, у его любимой сестры Нади (она закончила жизнь в психиатрической лечебнице), у ее сына, племянника и воспитанника Фета Пети Борисова. И сам поэт, отмечает автор, жил с сознанием того, что «его собственное душевное здоровье под постоянной угрозой» (с. 240).

Преимущественно на основе мемуаров написана глава о детстве Фета в родовом имении Новоселки, которое его биографу видится «унылым», и название главы «Барчонок», пожалуй, звучит провокативно. Зависимое положение «страдалицы»-матери, «суровый и притеснительный» отец (с. 21) — ситуация, сделавшая Фета и его братьев и сестер «жертвами отцовского произвола» (с. 24). К этому аргументу автор не раз возвращается, поясняя мотивы поступков своего сначала взрослеющего, а потом и взрослого героя.

О тайне своего рождения Фет узнал в 14 лет, находясь в пансионе Крюмера в Верро. К суровому быту закрытого учебного заведения и не менее суровым образовательным и воспитательным принципам протестантов-гернгутеров, к психологической и социальной отчужденности русского «барчонка» добавилась утрата фамилии и принадлежности к семье, наследственных имущественных прав, национальности, родovitости (дворянства). Афанасий Шеншин стал «гессен-дармштадским подданным» Фетом, «человеком без имени», как позднее о нем отзовется М.П. Погодин. Масштабы и следствия катастрофы — именно так определяет М.С. Макеев случившееся с его героем — Фет осознавал на протяжении всей жизни, упорно и последовательно добиваясь возвращения утраченного, веря в воздаяние.

На ранние страницы биографии поэта М.С. Макеев стремится бросить взгляд с высоты его поэтической зрелости, выделяя задатки его стоической жизненной философии, оригинальных религиозных и эстетических воззрений, размышляя о пока «подводном» созревании его будущей «сладостной» поэзии. Фетовская «формула красоты» и фетовский «художественный идеал» — категории, на которые в книге постоянно ориентировано изложение событий.

¹ Результаты ее многолетних разысканий обобщены в недавно вышедшей статье [Кузьмина, 2020].

В главе, посвященной жизни Фета в пансионе Погодина (январь — декабрь 1838 г.), где он готовился к поступлению в Московский университет, гораздо живее мемуарная составляющая и живее найденные автором редкие и яркие исторические свидетельства — и о самом «высокоученном и знаменитом профессоре», и о его пансионе, и о Москве конца 1830-х годов. Хотя пансион Погодина, на взгляд М.С. Макеева, «никакого вклада в интеллектуальное развитие Фета не сделал» (с. 59), а товарищи по пансиону, исключая «блистательного схоласта» Иринарха Введенского, представляли собой «разновидное сборище тупиц всякого рода и вида» [Фет, 1893: 118—119].

Без преувеличения эпичен рассказ о Московском университете, на словесном отделении которого Фет учился в 1838—1844 годах, дважды оставшись на второй год. Здесь на страницы книги во всем масштабе вступает «замечательное десятилетие» (формула П.В. Анненкова), его выдающиеся деятели (Белинский, Герцен, Бакунин), блестящая университетская профессура (Давыдов, Шевырев, Крюков, Грановский, Чивилев), горячее русское гегельянство и многое другое, что по разным причинам Фета не увлекло и не воодушевило, как бесстрашно резюмирует его биограф. И в молодости, и в зрелые годы, убеждает автор, он был противником идей Гегеля, как и любых форм спекулятивного мышления, в какой-то степени, возможно, был шеллингианцем, но всегда в своих философских и эстетических воззрениях оставался нетипичным и оригинальным. В поздние годы Фету открылась «трагическая красота» философии Шопенгауэра, и М.С. Макеев подробно повествует об этапах его работы над переводом «Мира как воли и представления», проследивает шопенгауэровскую линию в его поздней лирике.

Главы, для которых материалом служили преимущественно мемуары Фета, уступают главам, в которых биография и творчество поэта даны в широком культурном контексте. Чисто «мемуарных» глав немного, к их числу относится глава «Кирасир», повествующая о начале восьмилетней службы Фета по окончании университета в кирасирском Военного ордена полку в провинциальной глуши Херсонской губернии. Конечно, трудно ожидать от автора знания специальной военно-исторической и военномемуарной литературы, кроме того, и здесь при изложении биографии Фета в центре внимания остается его творчество. Однако вывод о том, что Фету «служить было не очень трудно» (с. 123), не кажется ни документально, ни психологически обоснованным, хотя поэт и заслужил в итоге репутацию добросовестного «служаки», получил должность адъютанта полка и соответствующий чин. В «кирасирской» части мемуаров Фет по многим причинам особенно сдержан и осторожен, его поздние мемуары, сверх того, написаны убежденным монархистом, уже в Предисловии декларировавшим свое «пристрастие» к государю Николаю Павловичу [Фет, 1893: с. 2], в известной степени распространив пристрастие и на военную службу. Ближе к концу книги, разбирая автобиографические военные рассказы Фета, М.С. Макеев заметит, что армейская служба им «постепенно идеализируется» (с. 309). В «кирасирских» главах мемуаров нет той безысходной горечи, которой полны исповедальные письма Фета к И.П. Борисову начальной поры службы, где речь шла об окружавших его «гоголевских Виях», хотя и в мемуарах присутствует армейский «зверинец» [Фет, 1893: 295—297]. Стоит вспомнить в связи с этим признание Н.Н. Страхова, близко знавшего Фета в поздние

годы: «Самые горькие и тяжелые чувства имеют у него бесподобную меру трезвости и самообладания» [Страхов, 2000: 426].

Скупым мемуарным свидетельствам (иных, к сожалению, нет) М.С. Макеев следует и в изложении драматического сюжета отношений Фета с Марией Лазич, не менее «популярного» и в не меньшей степени обросшего мифами, чем история рождения поэта. Связанная с Лазич жизненная драма стала в поэзии Фета, как известно, источником многих поэтических шедевров, открывающих его метафизику инобытия. Однако М.С. Макеев этого поэтического цикла как будто избегает, со всей очевидностью предпочитая нереализованному союзу Фета с Лазич его реализовавшийся «семейный идеал» в союзе с М.П. Боткиной, созвучный любимой поэтом гётевской поэме «Герман и Доротея».

Каждый биографический сюжет в последующих главах изложен с редкой серьезностью и ответственностью. Это относится к истории близости Фета с Аполлоном Григорьевым (здесь он интересен как прототип циника и холодного эстета в ранней автобиографической прозе Григорьева), к знакомству в 1853 г. с Тургеневым, оказавшему влияние на всю его последующую литературную судьбу. Обстоятельно и вместе с тем увлекательно и живо изложена основанная на богатом мемуарном и эпистолярном материале история сближения Фета с петербургским «веселым обществом», с Некрасовым и кругом «Современника», с Дружининым и его «чернокнижными» приятелями, с вернувшимся из Севастополя Толстым. Редкой духовной близости и многолетней переписке Фета с Толстым и необъяснимому для него «разрушению кумира» на рубеже 1880-х посвящена отдельная глава. Документальная насыщенность отличает историю сближения Фета с В.П. Боткиным и его семьей, с его сестрой Марьей Петровной, ставшей в 1857 г. женой поэта. Этот «брак по расчету» породил, как известно, не меньше необоснованных толков и мифов, чем «тайна рождения» Фета. Миф о его расчетливости М.С. Макеев, опираясь на недавно опубликованные письма поэта к невесте, убедительно опровергает.

В поздние годы Фет сближается с «консервативным позитивистом» Н.Н. Страховым (и это сюжет отдельной главы), с В.С. Соловьевым, вел. кн. Константином Константиновичем. В книге раскрыты мировоззренческие основы и мотивы их сближения, представлен совместный литературный труд, переписка. Нашел в ней место и рассказ о возвращении Фету в 1873 г. родовой фамилии и дворянства, об обретении им в 1889-м камергерства, представленные автором во всем многообразии оттенков его репутационных потерь.

Бесспорную ценность представляет убедительно вписанное М.С. Макеевым в политический и журнально-публицистический контекст исследование публицистики поэта. Во многом по-фетовски парадоксальная, она осталась или не замеченной критикой, как очерки «Из-за границы» (1856–1857), или тенденциозно ею истолкованной, как цикл «Из деревни» (1862–1871), и нельзя сказать, чтоб к настоящему времени она была в полной мере изучена, особенно поздняя политическая публицистика (с 1882 по 1891 г., подчеркивает автор, Фет опубликовал 29 статей и заметок). Хозяйственная деятельность Фета-фермера, землевладельца и работника на земле, его самоотверженная одиннадцатилетняя служба мировым судьей,

как и статьи «деревенского жителя», составили исключительно важный этап его жизненного и творческого пути. Статьи «Из деревни», печатавшиеся в катковском «Русском вестнике» в самое сложное пореформенное время, как и программная статья «Наши корни» (1882), создали Фету репутацию реакционера, охранителя-обскуранта, крепостника, хотя он никогда не владел крепостными и фермерствовать начал после отмены крепостного права, купив в 1860 г. в Мценском уезде имение Степановку, в 1877-м — имение Воробьевку в Шигровском уезде Курской губернии, где на практике упорно, прагматично и рационально (и весьма успешно) осуществлял свой «земледельческий идеал», используя вольнонаемный труд, сторонником и пропагандистом которого и выступал в своих статьях, одновременно в них же и «человеконенавистничая» (по слову Щедрина), обличая радикалов-нигилистов, «семинаристов», врагов государственного порядка. Объективный исследовательский взгляд, обоснованный глубоким знанием материала, в данном случае позволил автору признать, что его герой «не был блестящим публицистом» (с. 338).

Литературным тружеником, подвижником предстает Фет-переводчик, на протяжении всей жизни переводивший Горация, в разные годы — Гейне, Шекспира, Шиллера, Беранже, Гафиза, Гёте и Шопенгауэра и уже на склоне лет создавшего переводы всех римских поэтов — Овидия, Вергилия, Ювенала, Катулла, Тибулла, Проперция, Персия, Плавта, Марциала.

Объективность и основательность, исследовательская ответственность отличают книгу М.С. Макеева. Читатель закрывает ее с сознанием значительности прожитой поэтом жизни, с новым пониманием ценности этой жизни для русской культуры и русской истории.

Список литературы

1. *Бухтаб Б.Я.* Судьба литературного наследия А.А. Фета // Литературное наследство. М., 1935. Т. 22–24. С. 561–602.
2. *Кузьмина И.А.* Еще раз о происхождении А. Фета // Русская словесность. 2020. № 2. С. 14–24.
3. *Страхов Н.Н.* Литературная критика: Сб. статей. СПб., 2000.
4. *Фет А.А.* Ранние годы моей жизни. М., 1893.

Anna Grodetskaya

M A K E E V M.S. AFANASY FET.

**M.: Molodaya Gvardiya Publishing House, 2020. 443 p.
(Lives of Renowned People: Ser. biogr, vol. 1818)**

*Institute of Russian Literature (Pushkinsij Dom) RAS
4 Makarova Embankment, St. Petersburg, 199034*

The review says that Fet's biography, created by M. Makeev, is the first and only complete biography of the poet, and the objective difficulty for M. Makeev

was the lack of documentary material, the lack of study of both the biography and Fet's extensive creative heritage, especially his translations, journalism and memoirism with its famous "cipher". The effect of completeness and panorama of biographical narrative is achieved in the book thanks to its broad historical and cultural context, although not all chapters are equally rich in this respect. Formation of independent and peculiar Fet's religious, philosophical and aesthetic views, of his stoic life philosophy Makeev traces in detail and convincingly. Poet's friendly intimacy and creative dialogue with Ap. Grigoriev, Nekrasov, Turgenev, Druzhinin, Botkin and his family, with Leo Tolstoy, and in later years with Strakhov, Vl. Soloviev, Grand Duke Konstantin Konstantinovich are developed into independent research subjects and presented with rare thoroughness. Makeev consistently reviews and refutes the myths associated with the poet's "mystery of birth", "marriage of convenience", and his reputation as a reactionary serf, established when he published his articles in the 1860–1880s. Fet's poetry of different years, his criticism and journalism, his many years of extremely productive translation work, as well as his military service, rational and successful farming, and the work of magistrate are represented as the most important stages of his life path, which under the pen of the biographer are truly large-scale. Objectivity and research thoroughness, understanding of the significance and value of poet's life for Russian culture and Russian history distinguish the book by M.S. Makeev.

Key words: A.A. Fet; biography; worldview; lyrics and journalism; translations; memoirs; literary environment; reputation; sources and documentation; historical and cultural context.

About the author: *Anna Grodetskaya* — Prof. Dr., Leading Research Fellow, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom), Russian Academy of Sciences (e-mail: grodetskaiaag@mail.ru).

References

1. Buhstap B. Ya. Sud'ba literaturnogo nasledstva A.A. Feta [Fate of the literary heritage of A.A. Fet]. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary heritage]. M., 1935, t. 22–24, pp. 561–602. (In Russ.)
2. Kuz'mina I.A. Eshche raz o proiskhozhdenii A. Feta [Once again about A. Fet's origin]. *Russkaya slovesnost'* [Russian verbiage], 2020, № 2, pp. 14–24. (In Russ.)
3. Strahov N.N. *Literaturnaya kritika: Sb. statej* [Literary critique: Collected articles]. SPb., *Izdatel'stvo russkogo hristianskogo gumanitarnogo instituta*, 2000. 461 p.
4. Fet A.A. *Rannie gody moej zhizni* [The early years of my life]. M., 1893.